



## Параметры индивидуального варьирования при передаче несобственно-прямой речи (на материале переводов романа Дж. Джойса «Портрет художника в юности»)

**А. Д. Алимова**

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия  
alimovaad@gmail.com

**Аннотация.** В статье рассматриваются параметры индивидуального варьирования при передаче несобственно-прямой речи с английского языка на русский. На основе анализа трех переводов романа Дж. Джойса «Портрет художника в юности» было установлено, что индивидуальный стиль переводчика проявляется в большей степени при передаче маркеров несобственно-прямой речи, характеризующихся экспрессивностью, а также при принятии решения о привнесении художественного приема в текст перевода в случае отсутствия соответствующих структур в тексте оригинала.

**Ключевые слова:** несобственно-прямая речь, параметры индивидуального варьирования, индивидуальный стиль, перевод, переводоведение

**Для цитирования:** Алимова А. Д. Параметры индивидуального варьирования при передаче несобственно-прямой речи (на материале переводов романа Дж. Джойса «Портрет художника в юности») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 5 (886). С. 9–17.

---

Original article

## Parameters of Individual Variations in Translating Free Indirect Speech in J. Joyce's *A Portrait of the Artist as a Young Man*

**Anastasia D. Alimova**

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia  
alimovaad@gmail.com

**Abstract.** The paper examines the role of the translator's individual style in translating free indirect speech from English into Russian. Three translations of J. Joyce's *A Portrait of the Artist as a Young Man* have been examined to define the parameters of individual variations. The findings suggest that major differences in translating free indirect speech lie in the way translators deal with expressive markers and introduce free indirect speech where there are no corresponding structures in the English original.

**Keywords:** free indirect speech, parameters of individual variations, individual style, translation, translation studies

**For citation:** Alimova, A. D. (2024). Parameters of Individual Variations in Translating Free Indirect Speech in J. Joyce's *A Portrait of the Artist as a Young Man*. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(886), 9–17. (In Russ.)

## ВВЕДЕНИЕ

В передаче несобственно-прямой речи (НПР), как и любой другой языковой структуры, при переводе обнаруживается система закономерных соответствий. Под закономерным соответствием мы, вслед за Я. И. Рецкером, понимаем существование закономерностей передачи «структурно-семантических “узлов”, составляющих единое понятийное целое» [Рецкер, 2007, с. 10–11]. При этом, согласно Я. И. Рецкеру, выбор вариантов переводов происходит на основе параметров, которые устанавливает теория перевода [там же]. Однако нередко переводчики, в случае существования нескольких равноценных возможностей передачи одной и той же структуры НПР, всё же отдают предпочтение разным вариантам, каждый из которых представляется адекватным.

Объяснить подобные расхождения, на наш взгляд, можно, обратившись к введенному Д. В. Псурцевым понятию идиостиля переводчика, которому сам ученый дает следующее определение: «индивидуальный (личностный) способ межъязыкового преобразования, приводящий к определенному системному соотношению формы текста оригинала и текста перевода, которое, с одной стороны, помещает данный перевод в пределы диапазона адекватности, с другой – очерчивает границы его своеобразия, неповторимости относительно иных, потенциально возможных в диапазоне адекватности, переводов» [Псурцев, 2019, с. 48]. Исходя из этого, можно сделать предположение, что на выбор тех или иных структур НПР влияет и индивидуальный стиль переводчика.

При этом проявление идиостиля переводчика исследователи оценивают по-разному. Так, Д. М. Бузаджи выступает за то, что при переводе следует придерживаться принципа «прозрачности»: хотя полностью исключить из перевода влияние личности его создателя невозможно и переводчик неизбежно должен отдавать предпочтение одному из нескольких возможных вариантов, при выборе тех или иных языковых единиц необходимо опираться на объективные факторы и сводить проявление личности переводчика к минимуму, т. е. до случайных проявлений [Бузаджи, 2009]. Д. В. Псурцев же, наоборот, оценивает проявление идиостиля переводчика в целом положительно, рассматривая его как один из способов преодоления стандартизации, однако отмечает, что при работе над переводом переводчику необходимо всё же подстраивать свой стиль под стиль автора [Псурцев, 2019]. В данном исследовании мы не ставим перед собой цель дать оценку проявлению индивидуального стиля переводчика в переводе, будь то в качественном

или в количественном аспекте. В большей степени нас интересует, как идиостиль переводчика влияет на передачу НПР.

Опираясь на предложенную Д. В. Псурцевым концепцию анализа идиостиля переводчика, мы далее проведем сопоставительный анализ нескольких вариантов перевода одного произведения и постараемся установить «параметры индивидуального варьирования» (термин Д. В. Псурцева) при передаче НПР.

## МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Как отмечает Д. В. Псурцев, лингвопереводоведческое исследование идиостиля должно быть основано, в частности, на сравнении нескольких переводов одного автора, причем желательно одного и того же произведения, выполненных разными переводчиками [Псурцев, 2012]. Поэтому для анализа нами были взяты три перевода романа Джеймса Джойса «Портрет художника в юности» («A Portrait of the Artist as a Young Man»), выполненные В. Франком (1968), М. Богословской-Бобровой (1972) и С. Хоружим (2011). Выбор данного произведения связан с тем, что Дж. Джойс, наряду с В. Вулф и Д. Г. Лоуренсом, определял тенденции использования художественного приема в британской литературе начала XX века [Brooke, Hammond, Hirst, 2017]. Так, НПР в рассматриваемом произведении во многих случаях имеет вид несобственно-прямого монолога, а частотность использования НПР в романе составляет в среднем около двух случаев на страницу.

Из текста произведения для анализа был взят отрывок объемом порядка 55 тыс. печатных знаков с пробелами. С одной стороны, такой объем текста позволяет говорить об индивидуальном стиле писателя [Батура, 2012] и, соответственно, переводчика. С другой стороны, на тридцати страницах текста встречается более 60 фрагментов текста, содержащих НПР, причем зачастую в виде несобственно-прямого монолога, что представляет собой достаточный материал для исследования.

Следует отметить, что НПР в произведении используется преимущественно для представления содержания мыслей и репрезентации чувств главного героя – Стивена Дедала – в период становления его личности. Поэтому отобранные для анализа примеры НПР будут относиться в основном к этим двум функциональным типам.

Исходя из особенностей исследуемого материала, в качестве основных методов исследования были выбраны:

- 1) сопоставительный анализ текста оригинала и переводов;

- 2) контекстуальный анализ, позволяющий как распознать НПР, так и определить ее границы;
- 3) семантико-синтаксический анализ для рассмотрения средств языковой реализации НПР.

## ВЛИЯНИЕ ИДИОСТИЛИЯ ПЕРЕВОДЧИКА НА ВЫБОР СРЕДСТВ СОЗДАНИЯ ТЕКСТОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ

Сначала считаем необходимым упомянуть, что в ряде случаев при передаче НПР переводчики производят одни и те же закономерные преобразования. Следует отметить, что любая НПР строится на основе текстовой интерференции – слияния текста автора и текста персонажа [Шмид, 2003], которое достигается благодаря использованию языковых средств, представляющих собой характерные черты, или маркеры, текста автора и текста персонажа. Хотя первые не менее важны для построения НПР, рассмотрение последних с точки зрения перевода представляется более существенным, поскольку именно благодаря им НПР выделяется на фоне авторского текста и, соответственно, именно они служат для распознавания данного художественного приема в тексте и задают степень текстовой интерференции. Итак, одним из закономерных преобразований НПР при переводе можно считать воссоздание текстовой интерференции при передаче НПР с формальным подлежащим *it* и маркером текста персонажа *would* [Leskiv, 2009] посредством сослагательного наклонения.

- (1) It would be nice to lie on the hearthrug before the fire, leaning his head upon his hands, and think on those sentences. He shivered as if he had cold slimy water next his skin.

В приведенном выше примере первое предложение представляет собой НПР. На то, что данные мысли-мечты принадлежат главному герою, указывает последующее предложение: оставив мир грез и вернувшись к действительности, Стивен поужил. Сопоставим варианты передачи предложения, содержащего НПР, тремя разными переводчиками.

Хорошо было бы сейчас лежать на ковре перед камином, положив голову на руки, и думать об этих фразах (пер. В. Франка).

Хорошо бы лежать сейчас на коврик у камина, подперев голову руками, и думать про себя об этих фразах (пер. М. Богословской-Бобровой).

Как бы сейчас хорошо лежать на коврик перед камином, голову положить на руки и думать про эти предложения (пер. С. Хоружего).

Как видно из примеров, *it would be* передано структурой *хорошо бы*. Однако, несмотря на осуществление переводчиками структурно закономерных преобразований, при выборе более частных вариантов передачи НПР, а также отдельных ее элементов (способа ввода, маркеров и т. п.) из потенциально существующего множества решений каждый переводчик отдает предпочтение всё же конкретной структуре. Даже в приведенных выше отрывках прослеживаются различия: использование глагола *быть* (перевод В. Франка) и наречия *как* (перевод С. Хоружего) или их опущение (оба этих элемента отсутствуют в переводе М. Богословской-Бобровой).

Обратимся к примеру, где различия прослеживаются более явно.

- (2) Cantwell had answered:  
– Go and fight your match. Give Cecil Thunder a belt. I'd like to see you. He'd give you a toe in the rump for yourself.  
That was not a nice expression. His mother had told him not to speak with the rough boys in the college. Nice mother!

В данном отрывке НПР представлена последними тремя предложениями, передающими размышления главного героя над репликой Кэнтуэлла. Сравним три варианта перевода реакции Стивена на сказанное.

- Дерись с кем-нибудь своего роста. Вот откушачь Сесила Тандера. Посмотрел бы я на тебя. Он тебе как даст пинок в задницу...  
Это – нехорошее слово. Мама наказала ему не говорить с грубыми мальчиками в школе. Милая мама! (пер. В. Франка)

- Поди тягайся с кем-нибудь еще. Попробуй-ка Сесила Сандера за пояс заткнуть. Я посмотрю, как он тебе даст под зад.  
Так некрасиво выражаться. Мама сказала, чтобы он не водился с грубыми мальчиками в колледже. Мама такая красивая (пер. М. Богословской-Бобровой)

- Ступай подальше. Ты вон Сесила Сандера угости. А он тебе хороший пинок под задницу.

Так говорить это некрасиво. Мама наказывала ему, чтобы он в колледже не разговаривал с грубыми мальчишками. Какая мама хорошая! (пер. С. Хоружего)

Из результатов сопоставительного анализа следует, что В. Франк отдает предпочтение варианту с сохранением существительного, передав его как *слово*, поскольку в предыдущей реплике заменяет непристойное выражение на слово. Остальные же переводчики используют сочетание глагола с наречием. Расхождения в синтаксической структуре обнаруживаются и в последнем предложении – восклицательном. Так, В. Франк сохранил синтаксис английского оригинала, подобрав прилагательное, которое позволяет выстроить восклицательное предложение (что не получилось бы с вариантами *хороший* и *красивый*). М. Богословская-Боброва передает восклицательность с помощью определительного местоимения *такой*, усиливающего степень проявления признака. В варианте перевода С. Хоружего сохраняется восклицательное предложение с определительным местоимением *какой*, выражающим оценку степени качества<sup>1</sup>.

Рассмотрим другие случаи передачи НПР, представляющей собой оценку персонажем предметов, явлений или событий.

- (3) The fellow turned to Simon Moonan and said:  
– We all know why you speak. You are McGlade's suck.  
Suck was a queer word.

В данном случае Стивен задумывается об употреблении другим мальчиком слова *suck*, для передачи которого все переводчики выбрали вариант *подлиза*. Сравним решения переводчиков с точки зрения передачи НПР.

Подлиза. Вот странное слово (пер. В. Франка).

Какое странное слово «подлиза»

(пер. М. Богословской-Бобровой).

Какое-то чудное слово подлиза (пер. С. Хоружего).

При передаче данного отрывка НПР М. Богословская-Боброва и С. Хоружий сохраняют построение НПР в виде одного предложения, однако выражают оценку, в частности, с помощью добавления местоимения: в первом случае – определительного, усиливающего характеристику признака,

<sup>1</sup>В задачи нашего исследования не входит оценка качества переводов в аспектах, не касающихся передачи НПР, однако следует отметить, что в дальнейшем размышления Стивена о понятии *lisc* продолжают по отношению к его матери, что подразумевает необходимость поиска варианта передачи слова, который подходил бы для описания и выражения, и матери Стивена, как сделала М. Богословская-Боброва.

во втором – неопределенного, наоборот, снижающего степень проявления признака и привносящего сомнения. В. Франк же прибегает к членению, выделяя слово *странный* частицей *вот*, в результате чего, с одной стороны, появляется пауза между произнесением слова и оценкой, условное время на размышление над словом, с другой – перевод становится более экспрессивным.

Использование подобных конструкций, членения, эллипсиса, предпочтение существительных, а также частицы *вот* в целях передачи экспрессии в НПР (в том числе для осуществления перехода от текста автора к тексту персонажа, т.е. для введения НПР), на наш взгляд, можно отнести к индивидуальному стилю В. Франка. Рассмотрим еще некоторые примеры.

- (4) He could not get out the answer for the sum but it did not matter. White roses and red roses: those were beautiful colours to think of.

Решить задачи он не мог, но это его больше не занимало. Белые розы, алые розы – вот цвета, о которых приятно думать (пер. В. Франка).

В данном отрывке переводчик опять использует в целях выделения частицу *вот*, строя предложение со составным именным сказуемым.

Конструкция с существительным, причем экспрессивным, также встречается в следующем примере – переводчик использует слово *свинство*, в то время как в двух других переводах предпочтение отдается составному именному сказуемому с наречием.

- (5) He heard the fellows talk among themselves about him as they dressed for mass. It was a mean thing to do, to shoulder him into the square ditch, they were saying.

Он слышал, как мальчики толковали о нем, пока одевались к обедне. Свинство всё-таки! Столкнуть в канаву! – говорили они (пер. В. Франка).

Он слышал, как мальчики говорили о нем, одеваясь к обедне. Подло – столкнуть его в очко уборной, говорили они (пер. М. Богословской-Бобровой).

Ему было слышно, как мальчики, одеваясь и собираясь к мессе, разговаривают между собой. Это подло было так делать, спихнуть его в жолоб в уборной, говорили они (пер. С. Хоружего).

При этом, если М. Богословская-Боброва использует экспрессивный эллипсис, то С. Хоружий

строит полное предложение с формальным подлежащим *это*, что для русского языка в целом нетипично. Как отмечает О. О. Туринова, в таких структурах местоимения *it* и *they* при переводе «упраздняются в пользу неопределенно-личных и безличных конструкций» [Туринова, 2018, с. 120]. Отчасти использование С. Хоружим конструкций с подлежащим *это*, как видно и по предыдущим примерам, можно было бы отнести к индивидуальному стилю переводчика, однако, вполне возможно, это лишь проявление буквализма.

В следующем же отрывке В. Франк опять достигает экспрессивности при передаче НПР с помощью частицы *vom*, выделяя часть второго предложения в составе НПР в отдельное, а указание Стивена на слова других мальчиков переносит в следующее предложение, из-за чего происходит членение одного развернутого отрывка НПР на два более коротких. Вторую НПР В. Франк вновь вводит с помощью частицы *vom*, превращая отрывок в передачу восприятия героя благодаря использованию настоящего времени – более типичного для русской НПР [Ригато, 1998] и в то же время менее кардинального способа переключения точки зрения. Последние же три восклицания В. Франк переделывает в прямую речь, реплику диалога.

- (6) Going home for the holidays! That would be lovely: the fellows had told him. Getting up on the cars in the early wintry morning outside the door of the castle. The cars were rolling on the gravel. Cheers for the rector!  
Hurray! Hurray! Hurray!

Домой на праздники! Вот хорошо будет! Он уже знает от других мальчиков, как они сядут в экипажи ранним зимним утром у дверей замка. Вот экипажи уже катятся по гравиию. Ура в честь ректора.

– Ура! Ура! Ура! (пер. В. Франка).

Однако такое решение приняли не все переводчики. М. Богословская-Боброва, например, сохраняет такую же протяженность НПР, какая была в оригинале. Подобно В. Франку, она выносит экспрессивное *That would be lovely* в отдельное восклицательное предложение, но вводящую конструкцию, указывающую на передачу слов других персонажей (НПР внутри НПР), оставляет. Далее временной план повествования сменяется на более типичный для подобного использования НПР в русском языке – настоящее время, и начинается непосредственный пересказ услышанного от приятелей. Последние восклицательные предложения также представляют собой часть НПР.

Домой на каникулы! Как это будет хорошо! Мальчики рассказывали ему. Ранним зимним утром у подъезда замка все усаживаются в кэбы. Колеса скрипят по щебню. Прощальные приветствия ректору.  
Ура! Ура! Ура! (пер. М. Богословской-Бобровой).

Кроме того, в рассматриваемом отрывке М. Богословская-Боброва также использует восклицательное предложение с наречием *как*. Подобные конструкции с наречием *как* или местоимением *какой* встречаются в переводе довольно часто, на основе чего можно сделать вывод, что построение восклицательных предложений в составе НПР подобным образом можно рассматривать как черту индивидуального стиля переводчика.

С. Хоружий также оставляет весь отрывок в виде НПР, однако вводящую конструкцию НПР, передающей слова мальчиков, оставляет в составе второго предложения в постпозиции, как и в оригинале.

Домой на каникулы! Это так здорово, мальчики ему рассказывали. Зимой, рано утром, у подъезда замка усаживаются в кебы. Колеса скрипят по гравиию. Ректору счастливо оставаться!  
Ура! Ура! Ура! (пер. С. Хоружего).

### ПРИВНЕСЕНИЕ НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ В ТЕКСТ ПЕРЕВОДА ИЛИ ОТКАЗ ОТ ЕЕ ПЕРЕДАЧИ КАК ЧЕРТА ИДИОСТИЛЯ ПЕРЕВОДЧИКА

Отдельный интерес с точки зрения анализа индивидуального стиля переводчика представляет введение НПР, увеличение ее объема или отказ от передачи художественного приема. Следует отметить, что существуют языковые структуры, располагающие к привнесению НПР в текст перевода, несмотря на отсутствие в этом месте текста оригинала НПР. К ним относятся, например, сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными, характеризующиеся тем, что в главном предложении присутствует указание (в виде глагольного или именного сказуемого) на мыслительные процессы персонажа или его чувства; инфинитивные обороты или вводные выражения, обозначающие передачу произнесенной речи или содержания мыслей персонажа; конструкции *Future in the Past*; надфразовые синтаксические единства, в которых говорится о персонаже. Кроме того, НПР может заменять другие разновидности чужой речи, в том числе косвенную речь, а также вводиться в виде реакции героя в объемные повествовательные и описательные фрагменты текста. Зачастую переводчики

прибегают к введению НПР в повествование с целью компенсировать отказ от передачи данного художественного приема или другого экспрессивного средства в ином месте текста.

Разумеется, такие решения должны отвечать критерию уместности и не противоречить общим тенденциям использования художественного приема в тексте произведения. В преобладающем большинстве случаев подобные преобразования оцениваются положительно. Однако окончательное решение о том, изменять ли объем и количество отрезков НПР в тексте, всё же в основном остается за переводчиком.

Так, к закономерным преобразованиям, в частности, можно отнести те случаи, когда сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными, где в главном предложении присутствует глагол, обозначающий мыслительные процессы (такой как *wonder, know* и т. д.), переносятся из плана авторской речи в НПР. Такие примеры присутствуют и в рассматриваемых переводах. Обратимся к одному из них.

- (7) How far away they were! There was cold sunlight outside the window. He wondered if he would die. You could die just the same on a sunny day. He might die before his mother came.

Как они далеко! За окном холодно светит солнце. Интересно, умрет ли он? Ведь умереть можно и в солнечный день (пер. В. Франка).

Как они далеко! За окном сверкает холодный солнечный свет. А вдруг он умрет? Ведь умереть можно и в солнечный день (пер. М. Богословской-Бобровой).

Как они далеко! За окошком холодным светом светило солнце. Он подумал, а вдруг он умрет. В солнечный день все равно же умирают (пер. С. Хоружего).

В данном примере все три переводчика передали предложение *He wondered if he would die* как НПР, увеличив объем присутствующего в переводе отрывка НПР. При этом первые два переводчика приняли решение сделать вопрос (по всей видимости, исходя из формы косвенного вопроса в английском оригинале), а С. Хоружий построил повествовательное предложение с вводящей конструкцией в препозиции, отделенной от НПР запятой. Такое пунктуационное оформление НПР для русского языка в целом нетипично: по большей части препозиционные контактные вводящие конструкции отделяются от непосредственной НПР

двоеточием. Однако можно предположить, что таким образом переводчик стремился передать своеобразие стиля автора.

В другом же случае решения переводчиков оказались разными.

- (8) It pained him that he did not know well what politics meant and that he did not know where the universe ended. He felt small and weak. When would he be like the fellows in poetry and rhetoric?

Его огорчало, что он не знает толком, что такое политика, и где кончается вселенная. Какой он все еще маленький и беспомощный! Когда-то он станет таким, как старшеклассники поэтического и риторического классов? (пер. В. Франка).

Его огорчало, что он не совсем понимает, что такое политика, и не знает, где кончается Вселенная. Он почувствовал себя маленьким и слабым. Когда еще он будет таким, как мальчики в классе поэзии и риторики? (пер. М. Богословской-Бобровой).

Его расстраивало, что он не знает как следует, что такое политика, и не знает, где оканчивается Вселенная. Он почувствовал себя слабым, маленьким. Когда еще он станет таким как мальчики из Поэзии и Риторики? (пер. С. Хоружего).

Так, в приведенном выше примере из текста оригинала НПР представлена вопросительным предложением. При передаче данного отрывка переводчики же поступили по-разному. Если М. Богословская-Боброва и С. Хоружий сохранили объем НПР (одно предложение), то В. Франк увеличил объем художественного приема: переводчик сделал предшествующее предложение, в котором описываются ощущения Стивена, восклицательным, убрав конкретное указание на то, что герой так думает о себе (*he felt*), тем самым создав текстовую интерференцию и включив это предложение в состав НПР.

Подобным образом В. Франк привносит НПР и в следующий отрывок.

- (9) It made him very tired to think that way. It made him feel his head very big. He turned over the flyleaf and looked wearily at the green round earth in the middle of the maroon clouds.

Утомительно думать об этом. От таких мыслей пухнет голова. Он снова раскрыл первую страницу и начал устало рассматривать зеленую круглую землю посреди лиловых облаков (пер. В. Франка).

Первое предложение переводчик делает безличным, убирая прямое указание на субъект, в результате чего размывается граница между текстом автора и текстом персонажа. Во втором – также устраняет указание на персонажа и использует в целях создания текстовой интерференции просторечный экспрессивный фразеологизм *голова пухнет*.

Два других переводчика оставляют этот отрывок в плане авторской речи, как было в оригинале.

Он очень устал от этих мыслей. Ему казалось, что голова у него сделалась очень большой. Он перевернул страницу и сонно посмотрел на круглую зеленую Землю посреди коричневых облаков (пер. М. Богословской-Бобровой).

От всех таких мыслей он очень устал. Ему казалось, что у него голова стала огромная. Он перевернул страницу и вяло уставился на круглую зеленую Землю, окутанную коричневыми облаками (пер. С. Хоружего).

Однако имеется и случай, когда, несмотря на использование НПР в оригинале, от передачи художественного приема отказались все переводчики.

(10) He poured sauce freely over Stephen's plate and set the boat again on the table. Then he asked uncle Charles was it tender.

Он щедро подлил соуса на тарелку Стивена и поставил соусник на стол. Потом он спросил дядю Чарльза, мягкая ли индейка (пер. В. Франка).

Он щедро налил соуса в тарелку Стивена и поставил соусник на стол. Потом он спросил дядю Чарльза, нежное ли мясо (пер. М. Богословской-Бобровой).

Он щедро налил соуса Стивену в тарелку, поставил на место соусник и спросил дядю Чарльза, мягкая ли индейка (пер. С. Хоружего).

Как видно из приведенного примера, в оригинале НПР представлена отдельным предложением с препозиционной вводящей конструкцией (второе в отрывке). НПР строится на отказе от прямого порядка слов, характерного для косвенной речи в английском языке: в приведенном примере используется инверсия, как в обычном вопросе. Поскольку в русском языке порядок слов менее фиксирован, чем в английском языке, изменение порядка слов практически не используется в качестве маркера НПР. Все три переводчика приняли

решение передать данное предложение, используя модель косвенной речи с частицей *ли*.

### ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный нами анализ показал, что, с одной стороны, передача НПР при переводе осуществляется в соответствии с общими законами ее передачи, что подтверждает существование закономерных соответствий структур НПР в языковой паре «английский – русский». С другой стороны, при рассмотрении нескольких переводов одного и того же произведения удалось выявить и расхождения в более частных переводческих решениях, обусловленных существованием индивидуального стиля переводчика, который может проявляться в большей или меньшей степени. В данном случае наиболее ярко выделяется идиостиль В. Франка, проявляющийся в использовании членения, эллипсиса, предпочтении существительных, частицы *во* в целях передачи экспрессии в НПР, а также для введения художественного приема в текст повествования. К чертам идиостиля М. Богословской-Бобровой можно отнести использование восклицательных предложений с наречием *как* и местоимением *какой*. Идиостиль С. Хоружего наименее выражен, в частности, из-за присутствующего в переводе буквализма.

Несмотря на существование закономерных соответствий структур НПР как совокупности средств ее передачи, зависящих от выполняемой художественным приемом функции и соотносящихся со структурами оригинала по принципу «один ко многим», выбор переводчиком той или иной структуры не всегда объективен. Зачастую переводчики систематически прибегают к одним и тем же способам передачи сходных структур НПР, что можно объяснить существованием индивидуального стиля переводчика. В рассмотренных нами переводах индивидуальный стиль переводчиков наиболее ярко проявлялся при выборе маркеров текста персонажа, характеризующихся экспрессивностью, а также при введении НПР в текст перевода в случае, если соответствующие структуры в тексте оригинала отсутствуют. Вероятно, это связано с тем, что именно в данных случаях от переводчика требуется наиболее творческий подход, предполагающий раскрытие индивидуальности. Однако этим, разумеется, проявление индивидуального стиля переводчика при передаче НПР не ограничивается. Прочие параметры индивидуального варьирования могут быть установлены на более широком материале.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / доп. и коммент. Д. И. Ермоловича. 3-е изд., стер. М.: Р.Валент, 2007.
2. Псурцев Д. В. Прозрачна ли прозрачность, или Что такое идиостиль переводчика? // Мосты. 2019. № 4 (64). С. 42–49.
3. Бузаджи Д. М. Переводчик прозрачный и непрозрачный // Мосты. 2009. № 2 (22). С. 31–38.
4. Псурцев Д. В. Насколько «прозрачным» может быть «прозрачный» переводчик? (к постановке проблемы идиостиля переводчика художественной литературы) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 9 (642). С. 187–196.
5. Brooke J., Hammond A., Hirst G. Using models of lexical style to quantify free indirect discourse in modernist fiction // Digital Scholarship in the Humanities. 2017. Vol. 32. Issue 2. P. 234–250. DOI: 10.1093/llc/fqv072
6. Батура Т. В. Формальные методы определения авторства текстов // Вестник НГУ. Серия: Информационные технологии. 2012. №4. С. 81–94.
7. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.
8. Leskiv A. The Literary Phenomenon of Free Indirect Speech // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Rzeszowskiego. Seria Filologiczna. Studia Anglica Resoviensia. 2009. Vol. 60. P. 51–58.
9. Туринова О. О. Личные и притяжательные местоимения в русских переводных текстах англоязычной прозы: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018.
10. Ригато С. Несобственно-прямая речь и её формы во второй части романа Ю. К. Олеси «Зависть» // Slavica tergestina. 1998. № 6. С. 163–196.

## REFERENCES

1. Retsker, Ya. I. (2007). *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoi teorii perevoda = Theory of Translation and Translation Practice. Updated and commented by D. I. Ermolovich. 3rd ed., stereotyped.* Moscow: R.Valent. (In Russ.)
2. Psurtsev, D. V. (2019). *Prozrachna li prozrachnost', ili Chto takoe idiosstil' perevodchika? = Is Invisibility Invisible, or What Is Translator's Individual Style?* *Mosty*, 4(64), 42–49. (In Russ.)
3. Buzadzhi, D. M. (2009). *Perevodchik prozrachnyi i neprozrachnyi = Visible Translator and Invisible Translator.* *Mosty*, 2(22), 31–38. (In Russ.)
4. Psurtsev, D. V. (2012). *Just How Invisible Can an "Invisible" Translator Be? (The Problem of Fiction Translator's Individual Style).* *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 9(642), 187–196. (In Russ.)
5. Brooke, J., Hammond, A., Hirst, G. (2017). *Using models of lexical style to quantify free indirect discourse in modernist fiction.* *Digital Scholarship in the Humanities*, 32(2), 234–250. 10.1093/llc/fqv072
6. Batura, T. V. (2012). *Formal Methods of Authorship Attribution.* *Vestnik NSU. Information Technologies*, 4, 81–94. (In Russ.)
7. Shmid, V. (2003). *Narratologiya = Narratology.* Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)
8. Leskiv, A. (2009). *The Literary Phenomenon of Free Indirect Speech.* *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Rzeszowskiego. Seria Filologiczna. Studia Anglica Resoviensia*, 60, 51–58.
9. Turinova, O. O. (2018). *Lichnye i prityazhatel'nye mestoimeniya v russkikh perevodnykh tekstakh angloyazychnoi prozy = Personal and Possessive Pronouns in Russian Translations of English Fiction: PhD in Philology.* Moscow. (In Russ.)
10. Rigato, S. (1998). *Nesobstvenno-pryamaya rech' i ee formy vo vtoroi chasti romana Yu. K. Oleshi «Zavist'» = Free Indirect Speech and Its Forms in the Second Part of Yurii Olesha's Envy.* *Slavica tergestina*, 6, 163–196. (In Russ.)

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Алимова Анастасия Дмитриевна**

кандидат филологических наук

старший преподаватель кафедры переводоведения и практики перевода английского языка

переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета



## INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

### **Alimova Anastasia Dmitrievna**

PhD (Philology)

Senior Lecturer, Department of Translation Studies and English Translation

Faculty of Translation and Interpreting

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	09.02.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	11.03.2024	
принята к публикации	09.04.2024	